

ТАЙНА ОСТРОВА БЛАЖЕНСТВА

БЕЛЫЙ ПРИНЦ
ХОХРЯКОВ Д В

Данил Хохряков

**Белый Принц - Тайна
Острова Блаженства**

«Автор»

2026

Хохряков Д.

Белый Принц - Тайна Острова Блаженства / Д. Хохряков —
«Автор», 2026

Юная Гелла, дочь Белого Принца, мечтает о море. Она упрашивает отца отпустить её в плавание и отправляется в путь на торговом корабле «Морская Звезда». Но за пять месяцев до цели корабль попадает в страшный шторм и разбивается о рифы. Гелла чудом спасается и выбирается на берег неизвестного острова. Здесь всё идеально: белые города, золотые крыши, улыбающиеся люди. Но чем дольше Гелла живёт в этом раю, тем яснее понимает: это не спасение. Это ловушка. А за красивой сказкой скрывается древнее зло, с которым когда-то сражался её отец.

© Хохряков Д., 2026

© Автор, 2026

Данил Хохряков

Белый Принц - Тайна Острова Блаженства

Прошло пятнадцать лет после тех событий, когда Белый и Чёрный Принцы обнялись в ночи и сняли древнее проклятие. Морское Государство, которое Арсений переименовал в Беловодье, процветало. Белые стены Дворца сияли на солнце, лазурное море плескалось у подножия холма, а в порту всегда было шумно илюдно. Купцы из дальних земель привозили диковинные товары, а моряки рассказывали небывалые истории.

Арсений правил мудро и справедливо, и рядом с ним была его верная супруга, Королева Милана. Но не всё в их жизни было безоблачно. Чёрный Принц Борк, его брат-близнец, погиб трагически спустя несколько лет после воссоединения семьи. Он ушёл, как жил, пытаясь защитить других от тьмы, что когда-то жила в нём. Его смерть оставила глубокую рану в сердцах всех, кто его знал. Арсений не любил говорить об этом, но на его лице появлялась тень печали, когда он смотрел на море. Туда, где Борк когда-то обрёл свой покой.

У Арсения и Миланы родилась дочь, которую называли Геллой, сохранив традицию давать дочерям заморские имена. Гелла была не похожа на других девочек своего возраста. Пока её сверстницы играли в куклы и примеряли наряды, Гелла пропадала в порту. Она знала, как называется каждая снасть на корабле, умела вязать морские узлы и безошибочно определяла, откуда дует ветер. Ветер был её стихией. Море её домом, даже если дом этот ещё предстояло найти.

- Ты опять убежала в порт, - улыбнулась Милана, когда Гелла вбежала в тронный зал, вся в солёных брызгах и с ракушкой в волосах.

- Мама, там сегодня пришёл корабль из-за Драконьих скал! - воскликнула Гелла, сияя.
- Капитан говорит, что за ними лежит земля, где деревья растут до неба, а птицы поют человеческими голосами!

- Капитаны любят приукрашивать, - заметил Арсений, отрываясь от свитков. Но в глазах его тоже зажглась искорка. Он помнил себя в восемнадцать лет, таким же одержимым, таким же жаждущим приключений.

- А ты, дочка, правда веришь в эти сказки? - спросила мать. - Иногда они такие истории рассказывают, что диву даёшься. Даже и не думаешь, что на земле такие чудеса бывают.

- Я хочу сама увидеть, правда ли это, - твёрдо ответила Гелла. - И когда-нибудь я стану капитаном. Самым лучшим капитаном в Беловодье. И смогу убедиться, можно ли им верить.

Арсений и Милана переглянулись. В душе каждого из них жила одна и та же мысль: «В этом наша дочь. Она точно не свернёт с пути, который выбрала».

Гелла подошла к отцу и протянула руку, чтобы коснуться его плеча, но случайно задела старый компас, который лежал на столе, компас, принадлежавший когда-то Борку. Стрелка дрогнула и указала на Геллу.

- Это дядин компас, - тихо сказала Гелла, и в голосе её послышалась грусть. - Ты никогда не рассказывал мне, как он погиб.

Арсений надолго замолчал. Затем взял компас в руки и положил на раскрытую ладонь дочери.

- Я расскажу тебе, дочка. Когда-нибудь. Но сейчас просто знай, что этот компас носил с собой человек, который пожертвовал собой, чтобы защитить мир от тьмы. Он никогда не подводил его. Этот компас не простой. В нём осталась частица той магии, что соединяла меня и Борка. Он чувствует тьму. И если ты возьмёшь его в плавание, то он обязательно приведёт тебя домой.

Гелла сжала магический предмет в кулаке, чувствуя холод металла и тепло памяти.

- Я буду беречь его, - прошептала она. - Так ты меня отпустишь?

Гелла не унималась. Она приносила отцу карты, схемы, записи о морских течениях. Она знала, что торговый корабль «Морская Звезда» отправляется на другой континент через месяц, и умоляла отпустить её с ними. Арсений долго молчал, глядя на дочь, и вспоминал, как сам стоял перед своим отцом с такой же мольбой. Он согласился, но с одним условием, что капитан Ветрогон, старый друг семьи, будет за неё отвечать.

Гелла была не просто девочкой, мечтающей о море. Она была одержима им. С самого раннего детства, едва научившись ходить, она убегала к причалу, цеплялась за рукава моряков и требовала рассказывать о далёких землях. Пальцы её были вечно исцарапаны грубыми верёвками, которыми она училась вязать узлы, а загорелые щёки вечно обветрены солёным ветром.

Милана часто смеялась и говорила: «Ты родилась не в том теле, дочка. В тебе душа старого капитана, которую по ошибке поселили в девочку». Гелла всегда воспринимала это как высшую похвалу.

Она просыпалась раньше всех в Дворце, ещё затемно, пока солнце только золотило край моря. Бежала босиком по холодному камню на самую высокую башню и смотрела, как в порту зажигаются первые огни, как мачты начинают покачиваться на утренней волне, как чайки срываются с крыш и с криками устремляются к воде. Она умела молчать, слушая ветер, и различала, какой он: северный, холодный и колючий, или южный, влажный и обещающий дождь.

Она рисовала в своём воображении карты, которых не существовало на пергаменте. Она придумывала названия для островов и проливов, которые никто никогда не видел. Она запоминала голоса капитанов, их хриплый смех, их морские байки, в которые сама верила сильнее, чем они сами.

Она была дерзкой, но не грубой. Упрямой, но не злой. Когда гневалась, сжимала кулаки и молчала, стиснув зубы. Как Борк, которого она когда-то знала, о котором отец иногда говорил с болью в глазах. В такие минуты она смотрела на море и чувствовала, что кто-то невидимый стоит рядом и держит её за руку.

- Ты же знаешь, что там, за горизонтом, может быть опасно, - сказал ей однажды Арсений.
- И помощи там ждать будет неоткуда.

- Знаю, - спокойно ответила Гелла. - Но, если я не поплыву, я никогда не узнаю, кто я на самом деле.

Арсений не нашёл, что возразить. Он слишком хорошо помнил, что такое быть молодым и гореть желанием. И он дал согласие.

Через три дня Гелла стояла на причале рядом с капитаном Ветрогоном, держа в руке маленький узелок с вещами и компас Борка в кармане куртки. Ветер трепал её каштановые волосы, похожие на волосы Миланы, но глаза у неё были отцовские, ясные, синие, как море.

- Я вернусь, - сказала она матери, обнимая её. - И привезу тебе диковинную ракушку с того берега, где деревья растут до неба.

Милана плакала, но улыбалась.

- Береги себя, дочка, - прошептала она. - И помни, что наш дом всегда ждёт тебя.

А Арсений, стоя чуть поодаль, смотрел, как поднимаются паруса, и шептал одними губами:

- Плыви, Гелла. Плыви и возвращайся.

Корабль «Морская Звезда» медленно отчалил от причала. Гелла стояла на палубе, глядя, как Беловодье тает в утреннем тумане. Она не боялась. Она чувствовала, что начинается самое главное приключение в её жизни.

В порту Беловодья в тот день яблоку негде было упасть. Горожане заполнили все причалы, забрались на крыши складов и даже на мачты стоящих у берега рыбацких лодок. Солнце светило особенно ярко, будто само море хотело попрощаться с юной путешественницей. Повсюду развевались разноцветные флаги, торговки продавали пирожки и сладкий квас, а

мальчишки, свесившись с перил, громко спорили, кто первый заметит корабль в открытом море.

И он удалялся от берега. «Морская Звезда». Трёхмачтовый красавец, гордость Беловодья. Его корпус, смолёный и тёмный, блестел на солнце, паруса были такими белоснежными, что казались сотканными из облаков. Высокие мачты упирались в небо, а на носу, рассекая волну, сияла резная фигура русалки с длинными распущенными волосами и жемчужиной в поднятой руке. Казалось, она указывала путь в неизведанные дали.

Гелла стояла на палубе и не могла поверить своим глазам. Всё, что она рисовала в воображении долгими вечерами, глядя на закат из окна своей башни, было здесь, перед ней. Пахло смолой, солью и свежим деревом. Под ногами покачивалась палуба, над головой шумели паруса. Гелла подняла голову и улыбнулась солнцу.

Она была на капитанском мостике. Рядом стоял капитан Ветрогон. Высокий, сутуловатый мужчина с седой бородой и глазами, которые видели больше, чем может вместить одна человеческая жизнь. Он был одет в потёртый синий сюртук с медными пуговицами, а на голове носил старую треуголку, которую, по слухам, снял с тонущего пирата. Капитан Ветрогон был другом семьи ещё со времён отца Арсения, и Гелла знала его с самого детства. Он часто привозил ей диковинные камешки, ракушки и морские звёзды, и каждый раз, когда он появлялся в порту, Гелла бежала к нему первой.

- Ну что, юная леди, - сказал Ветрогон, по-отечески положив руку ей на плечо. - Не боишься?

- Ни капли, - твёрдо ответила Гелла, хотя сердце колотилось в груди, как птица в клетке.

- Это хорошо, - усмехнулся капитан. - Трусость в море хуже шторма. Шторм можно переждать, а труса море не прощает.

Тем временем на корабле кипела работа. Матросы, загорелые и крепкие, как корни вековых деревьев, отдавали команды, тянули канаты и проверяли оснастку. Среди них были старые морские волки, выдавшие и штормы, и штили, и пиратов, и невиданные земли. Гелла смотрела на них с восхищением. Ей хотелось быть такой же сильной, уверенной, связанной с морем чем-то большим, чем просто любовь.

- Капитан Ветрогон, - обратилась она к седому капитану. - Сколько историй вы знаете о далёких землях?

- Больше, чем звёзд на небе, - ухмыльнулся Ветрогон. - И все они чистая правда.

- Расскажите мне? - глаза Геллы загорелись.

- Обязательно, - капитан подмигнул. - У нас впереди долгий путь. Месяцев пять, не меньше. Будет время и для рассказов, и для науки, и даже для сражений с морскими чудовищами, если повезёт.

- С чудовищами? - Гелла так и подпрыгнула от восторга. - Мы можем увидеть морских чудовищ?

- Ну, может быть, и без чудовищ обойдёмся, - рассмеялся Ветрогон. - Но я обещаю тебе, что ты увидишь то, что не снилось даже твоему отцу.

- Мой отец видел многое, - серьёзно сказала Гелла. - Он рассказывал мне про Чёрный Замок, про воскресших мертвецов и про брата, которого он спас.

Ветрогон на мгновение стал серьёзным, затем перевёл взгляд на море.

- Борк был достойным человеком, - тихо сказал он. - Я знал его. Мы плавали вместе, когда он был ещё молодым и пытался найти себя. Он говорил, что чувствует тьму внутри себя, но всегда боролся с ней. И он победил. Помни это, девочка. Даже если внутри есть тьма, ты можешь стать светом.

Гелла промолчала, но слова засели в её душе, как зёрна в благодатной земле.

Когда берег окончательно исчез из виду, Гелла поняла, что её фантазии стали реальностью. Те самые мечты, которые она лелеяла в детстве, глядя на закат из башни, теперь сбыва-

лись. Она представляла, как стоит на палубе, как ветер наполняет паруса, как корабль рассекает волны и уносит её в неизведанные страны. Она воображала острова с белыми скалами, на которых живут мудрые старцы, и воды, в которых отражаются звёзды днём. Она мечтала привезти домой ракушку такой невиданной красоты, что королевские ювелиры ахнули бы, и рассказы о том, как она общалась с китами и понимала язык буревестников.

Теперь всё это было возможно. И Гелла знала, что она вернётся не просто с ракушкой. Она вернётся с картой тех мест, где ещё не ступала нога человека, с песком с берега, где солнце всходит дважды за день, и с историей, которую будут рассказывать у камина ещё много зим.

Ветер наполнил паруса, «Морская Звезда» набрала ход и устремилась в открытое море, оставляя позади Беловодье, родные берега и всё, что было таким знакомым.

Гелла стояла на капитанском мостике и смотрела вперёд.

Первые недели плавания пролетели как один долгий, счастливый день. Море было спокойным, ветер попутным, и «Морская Звезда» скользила по волнам легко и изящно, как чайка над водой. Гелла просыпалась с первыми лучами солнца и бежала на палубу, чтобы встретить рассвет. Она вдыхала солёный воздух, слушала, как скрипят снасти, и чувствовала себя самым счастливым человеком на свете.

Каждый день приносил что-то новое. Она училась у матросов тянуть канаты, ставить паруса, закреплять шкоты и различать по облакам, какой ветер будет к вечеру. Пальцы её, ещё недавно тонкие и нежные, покрылись мозолями, но Гелла была горда каждой новой мозоли. Они были как знаки отличия, как награды за её усердие.

Она полюбила смотреть, как работают матросы. Их движения были точными и слаженными, словно танец. Старший матрос, здоровенный мужчина по имени Корней, с окладистой рыжей бородой, часто подзывал её к себе и объяснял, как завязать тот или иной узел, или как не упасть за борт, когда корабль накренится на крутой волне.

- Ты быстро учишься, малая, - одобрительно кряхтел Корней. - Другие девицы только и знают, что кружева плести, да наряды выбирать. А ты мореход. Прямо настоящая.

Гелла улыбалась и чувствовала, как внутри разливается тепло. Она была нужна здесь. Она была на своём месте.

Капитан Ветрогон часто наблюдал за ней с капитанского мостика, пряча улыбку в седой бороде. Однажды, когда Гелла, раскрасневшаяся и счастливая, поднялась к нему, чтобы показать, какой узел она выучила, он положил руку ей на плечо и сказал:

- У тебя морская кровь, девочка. Я вижу это по тому, как ты встаёшь на ноги, когда корабль качает. По тому, как ты смотришь на небо, и по тому, как ты дышишь. Ты рождена для этого. Не каждый капитан может этим похвастаться.

Гелла зарделась от гордости.

- А вы, капитан? Вы тоже рождены для моря?

- Я? - Ветрогон усмехнулся. - Я родился в телеге, что ехала через горы. Моря не видел до десяти лет. Но когда я впервые увидел его, то понял, что дом мой не там, где я родился, а там, где бьются волны. С тех пор я и плаваю. И не променял бы море ни на какие сокровища.

С каждым днём Гелла чувствовала, как всё больше становится частью корабля. Она знала, как называется каждая верёвка, каждый парус, каждая доска на палубе. Она знала, кто из матросов любит петь по вечерам, а кто молча курит трубку у борта. Она знала, когда дежурный меняется, и когда на камбузе пекут свежий хлеб. Корабль стал её домом, а команда большой, шумной семьёй.

А по вечерам Гелла садилась за маленький столик в кают-компании, доставала походную чернильницу и аккуратно выводила в корабельном журнале всё, что видела за день. Она писала про дельфинов, которые сопровождали «Морскую Звезду» целых три дня, перепрыгивая через волны, словно играя с кораблём в догонялки. Она описывала стаи летучих рыб, которые взлетали над водой в солнечных брызгах и исчезали в глубине. А однажды, в сумерках, она увидела

огромного кита. Он вынырнул из глубины так близко, что Гелла могла разглядеть его огромный глаз, внимательный и спокойный. Кит вздохнул фонтаном воды, и Гелла почувствовала, что он тоже смотрит на неё, и понимает.

«Кит посмотрел мне прямо в душу, - записала она в тот вечер. - Я чувствую, что он старше этого моря и старше нас всех. И что он знает что-то, что мы не знаем. А что, если киты хранят память о том, как родился мир? Я бы спросила его, но он ушёл в глубину. Наверное, это секрет».

Ночью, когда корабль затихал и лишь ветер шумел в снастях, Гелла выходила на палубу и смотрела на звёзды. Их было так много, что небо казалось бесконечным, бездонным, как само море.

Второй месяц плавания выдался тревожным. Ещё утром небо было чистым, но к полудню с северо-востока набежала тяжёлая, свинцовая туча. Ветрогон долго вглядывался в горизонт, хмурил брови, и наконец, повернувшись к Гелле, сказал тихо, но твёрдо:

- Будет шторм. Крепкий. Ступай в каюту и оставайся там.

Гелла не стала спорить. Она знала, что, если капитан говорит «ступай», значит, так надо. Но в каюте она пробыла недолго. Уже через час корабль начало швырять так, что свечи падали со стола, а книги летели с полок. Гелла выбежала на палубу и замерла.

Небо почернело в одно мгновение. Солнце исчезло, будто его проглотила тьма. Ветер завывал, закручивая воду в пенные воронки, и рвал паруса, как бумагу. Волны поднимались выше мачт. Они были чёрные, тяжёлые, с белыми гривами, и обрушивались на палубу с оглушительным грохотом.

- Держись! - заорал кто-то рядом, но его голос утонул в реве бури.

Гелла почувствовала, как её отрывают от палубы и швыряют о борт. Она ударилась плечом о поручни, но успела схватиться за канат, намотанный на мачту. Её пальцы онемели, но она не разжала их.

Над головой сверкнула молния, такая яркая, что на мгновение стало светло, как днём. Гелла увидела лица матросов, искажённые ужасом, мокрые, с прилипшими ко лбу волосами. Они пытались спустить паруса, но ветер не давал, трепал холсты, как тряпки.

Корней, рыжий матрос, подбежал к Гелле и крикнул:

- Давай я привяжу тебя к мачте! Не шевелись, девочка!

Он обмотал её канатом, крепко, узлом, который не развяжется даже в самую страшную бурю. И в ту же секунду новая волна смыла его за борт.

- Корней! - закричала Гелла, но его уже не было видно.

Она осталась одна, привязанная к мачте, среди воющей тьмы. Вода заливала её с головой, срывала с неё плащ, забивала нос и рот, но она держалась. Она сжимала зубы и не плакала. Она не могла позволить себе плакать. Она должна была увидеть, что будет дальше. Она должна была выжить.

Корабль трещал. Снасти лопались одна за другой, бочки с пресной водой скатывались по палубе и разбивались о борта. Руль не слушался, и Ветрогон, обеими руками вцепившись в штурвал, кричал что-то, но Гелла не слышала его слов. Она видела только, как он борется, как его седая голова мечется в свете молний, как он из последних сил пытается удержать корабль на курсе.

И вдруг, сквозь рёв ветра, она услышала его голос. Чёткий, пронзительный, как удар колокола:

- Рифы! Мы идём на рифы!

Гелла зажмурилась. Она не хотела видеть, что будет дальше. Но она чувствовала, как корабль подпрыгивает на волне, как его несёт вперёд с нечеловеческой силой.

- Держись! - закричал Ветрогон, и это было последнее, что она услышала.

Удар. Треск. Корабль накренился, и Гелла почувствовала, как её рвёт из объятий мачты. Канат лопнул, как сухая нитка. Она взлетела над палубой, над бортом, над водой, и рухнула в ледяную, солёную бездну.

Вода обожгла её, как тысяча игл. Гелла не сразу поняла, что она жива. Она захлебнулась, вынырнула, снова ушла под воду. Вокруг была тьма. Ни огней, ни криков, а только рёв волн и ветер, который не давал вздохнуть.

Она ударилась о что-то твёрдое, обхватила его руками. Это было бревно, обломок мачты, с ещё необорванным куском паруса. Гелла повисла на нём, как утопающая на круге. Она не знала, сколько она так висела: минуту, час, вечность. Она знала только одно, что она жива. И она будет бороться.

Волны бросали её из стороны в сторону, захлёстывали с головой, выбивали последние силы. Но Гелла не отпускала доску. Она сжимала её так, как никогда в жизни не сжимала ничего. Губы её посинели, пальцы онемели, но она не отпускала.

Она не знала, куда её несёт. Она не знала, выжила ли команда. Она не знала, увидит ли когда-нибудь отца и мать. Но внутри неё, глубоко, в самом сердце, горела искра. Та самая, которую ей передал отец. Та самая, которая когда-то спасла Беловодье.

Гелла подняла голову, пытаясь увидеть хоть что-то сквозь водяную пелену. Над ней снова сверкнула молния, и в её свете она увидела вдалеке тёмную линию земли.

- Остров, - прошептала она губами, которые уже почти не слушались. - Я вижу остров...

Она не знала, что это за остров. Она не знала, что там ждёт её. Спасение, или новая опасность. Но она знала, что готова плыть. Готова бороться.

И она поплыла. Медленно, неуклюже, цепляясь за доску, гребя одной рукой, но она двигалась вперёд, к спасительной земле.

Шторм ревел вокруг, но Гелла уже не слышала его. Она слышала только стук собственного сердца. И где-то далеко, в глубине её души, голос отца шептал:

- Плыви, дочка. Плыви и возвращайся.

И Гелла плыла.

Гелла пришла в себя оттого, что солнце ласково касалось её лица. Тёплые лучи пробивались сквозь сомкнутые веки, и она слышала, как где-то рядом тихо плещется вода. Сначала ей показалось, что она всё ещё во сне, в том страшном сне, где корабль разваливался на части, а волны смывали людей за борт. Но потом она открыла глаза и увидела небо. Чистое, голубое, без единого облачка. Такое безмятежное, будто шторма никогда и не было.

Она лежала на белом песке. Он был мелким и мягким, как мука, и приятно грел тело. Гелла медленно приподнялась на локте и огляделась. Вокруг простирался берег, уходящий вдаль изогнутой дугой. Песок здесь был настолько светлым, что почти слепил глаза, а вода у самого берега отливала нежным бирюзовым цветом. Причем такая прозрачная, как стекло, и такая спокойная, что на ней почти не было ряби. Гелла заворожённо смотрела на это чудо и не могла поверить, что совсем недавно она тонула в ледяной, чёрной пучине.

Она попыталась встать, но ноги дрожали, и она снова опустилась на песок. Всё тело болело, руки были исцарапаны, а на плече темнел огромный синяк. Но она была жива. Она дышала, чувствовала тепло солнца и слышала, как где-то вдалеке поют птицы. Это было самое прекрасное, что она испытывала в своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.